

Анастасия Стриженова

Пока не отпустит

ПРОЩЕНИЕ

Анастасия Стриженова

Пока не отпустит прошлое

«Литнет»

2026

Стриженова А.

Пока не отпустит прошлое / А. Стриженова — «Литнет», 2026

Шесть лет назад Карина сбежала из захолустной Березовки в Москву — от отца-тирана, от нищеты, от удушающей безнадежности. И от него, Богдана, который должен был уехать с ней, но так и не пришел. Утром она ушла на вокзал одна. Теперь она снова здесь. С сыном, с пустыми карманами, с больной матерью и грудой хлама в старом родительском доме, который предстоит разобрать. Карьера певицы не сложилась, денег нет, надежд на светлое будущее — тоже. Осталось только молча разгрести завалы и привыкать к мысли, что жизнь кончена. Но Березовка — место тесное. Здесь невозможно спрятаться. Богдан, ее первая любовь, живет через три улицы, работает в музыкальном магазине. Их встреча — лишь вопрос времени, и она боялась этого. Потому что есть вещи, о которых нельзя молчать, но и сказать их — значит рискнуть самым дорогим, что есть у нее. Не забудьте поставить звездочку и добавить в библиотеку!

© Стриженова А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1

Наконец-то я закончила пихать вещи в старую «газель». Ее мне продали знакомые, пришлось выложить немалую сумму, так что на дорогу оставалось совсем немного денег. Я разместила в ней все наше имущество: два потрепанных чемодана, три картонных коробки с вещами, перетянутые скотчем крест-накрест, чтобы не развалились на трассе, да еще пакеты с постельным бельем, которые я затолкала в щели, лишь бы не гремело по пути.

Я открыла заднюю дверь и помогла забраться Темке. Ему всего пять, но он у меня уже самостоятельный: сам оделся и собрал свои игрушки в дорогу.

— Перекус — вот здесь, в этом пакете с мишками. Вода — в подстаканнике, только осторожно, крышка закрыта неплотно. Игрушки — в рюкзаке, если захочешь поиграть. Ремень пристегнул? — спрашиваю я уже в который раз за последние пять минут.

— Да, мам, — Темка прижимает к груди серого зайца: потертого, с надорванным ухом, которое я пришивала уже раза три. Но несмотря на это, он был самой любимой его игрушкой еще с пеленок. В последний год Темка стеснялся таскать его с собой везде, часто оставлял дома под подушкой. Но сегодня, когда мы грузились, я краем глаза заметила, как он сунул зайца в рюкзак. Мое материнское сердце чувало — ему нужна была эта опора.

— Умница.

Я целую его в макушку и вдыхаю запах волос — пахнет детским шампунем. Обхожу машину, забираюсь в кабину. И меня тут же бросает в жар, хотя на улице уже прохладно. Эта осень в Москве выдалась на удивление теплой, будто природа решила устроить нам напоследок второе лето. Я и первое-то еле вытерпела: жаркое, душное, бесконечно долгое. Поэтому я искренне радовалась наступившим прохладным денькам, хрусту листьев под ногами, запаху дыма от печных труб и тишине осенних вечеров, когда можно закутаться в теплый плед, налить себе чаю и никуда не спешить. Такие моменты я особенно ценила, ведь в Москве с ее бешеным ритмом всегда не хватало неспешности и уединения.

Я врубаю кондиционер на полную — хотя какой там кондиционер в этой развалюхе, просто вентилятор гоняет теплый воздух с запахом пыли и бензина — и трогаюсь.

Город, в котором я прожила последние шесть лет, медленно отдалялся в зеркале заднего вида. Высотки, спальные районы с одинаковыми фасадами уступали место бесконечно тянущейся трассе с ее придорожными кафешками и заправками. Навигатор пророчил четырнадцать часов дороги.

Я специально ждала до последнего, до самого крайнего срока, когда нас уже просто выставили бы на улицу вместе с этими коробками. Упаковать всю жизнь оказалось сложнее, чем думалось, даже если эта жизнь умещалась в однушку на первом этаже хрущевки с вечно текущим краном, черной плесенью в углу ванной и соседом-алкоголиком за стеной, который по ночам слушал шансон и стучал по батареям.

Темка заснул, как только мы выехали на трассу. Ему тоже было тяжело. Не каждый взрослый выдержит резкие перемены в жизни, а уж маленькому ребенку и вовсе было сложно расстаться с друзьями и любимым детским садом. В Москве у нас не было родственников, только мы вдвоем. Но Темка всегда легко находил общий язык с ребятами во дворах, куда бы нас ни забрасывала жизнь. Мы мотались по съемным квартирам в Марьино, в Бутово, в Люберцах, когда у меня не выходило с арендой в Москве, и он каждый раз адаптировался к новым условиям. Но переезд в такую глушь — это совсем другое. Я так надеялась, что выкарабкаюсь, раскручусь, запишу альбом, соберу свою группу. До недавнего времени этот план казался мне единственно верным. Ради этого я пожертвовала всем. Но у меня не вышло.

Часа через два Темка проснулся и захотел в туалет. Я остановилась у придорожной забегаловки с кривой выцветшей вывеской «Уют». Но как только мы зашли внутрь, я сразу пожа-

лела об этом. Внутри пахло жареным маслом, какой-то кислятиной и кошачьей мочой, плитка на полу была грязная и липкая, за столиками со скучающим и уставшим видом сидели дальнобойщики, а в углу под самым потолком орал телевизор. Но выбора уже не было. Себе я взяла растворимый кофе из автомата — ну как кофе, правильнее было бы назвать это жидкой горячей бурдой, на дне которой плавал осадок. Темке — банан и пачку соленых крендельков, которые чудом нашлись на запыленной витрине рядом с просроченными вафлями. И, конечно, чипсы, куда без них. Дорога — она и есть дорога, должна быть хоть какая-то радость от нее.

Когда мы вернулись обратно в машину, меня уже поджидал бесконечный детский допрос:

— Мам, а где мы будем жить?
 — В Березовке, — отвечаю я, наверное, в сотый раз за неделю. — Там у нас есть дом.
 — А он большой?
 — Не очень. Старый. Бабушкин.
 — А собаку заведем?
 — Может быть. Но сначала нам нужно обустроиться.
 — А там речка есть?
 — Есть. Маленькая, но есть.
 — А рыба там водится?
 — Не знаю, малыш. Не ловила никогда.

Его мои ответы не особо устроили. Он на какое-то время затих и принялся ковырять обивку сиденья, которое местами уже и так было порвано.

— А почему мы уехали? — вдруг снова спросил он, и я увидела в зеркале его настороженные, серьезные глаза.

Вот тут я всегда уходила от ответа. Правда была слишком тяжелой, чтобы грузить ею пятилетнего ребенка. Больших концертов больше не было — площадки закрывались одна за другой, публика изменилась, да и я выдохлась, выгорела. Оставалась только обычная работа с девяти до шести и редкие вечерние концерты в каких-то забегаловках. Я всюду брала с собой ребенка, пока я выступала, он ждал меня за кулисами, в подсобках и прокуренных гримерках клубов. Все свое детство Темка рос среди усилителей и кабелей, среди гитарных чехлов и барабанных установок и думал, что так и надо, что это и есть нормальная жизнь. А потом мне позвонили из Березовки, из администрации: сообщили, что маме стало совсем плохо, она все время проводит в больнице, а дом пустует, надо что-то решать, иначе он перейдет в собственность муниципалитету.

Это был знак. Конец мечте, в которую я уже и сама перестала верить. Но во всем есть свои плюсы. Теперь у нас будет своя собственная крыша над головой — пусть и старая, запущенная, с печным отоплением и без удобств.

Последний год я подрабатывала помощницей воспитателя в Темкином саду, но зарплата там была очень маленькой, и этих денег едва хватало на еду и коммуналку. Петь я в последнее время совсем перестала, поэтому исчез и тот самый пассивный доход, который позволял нам хоть как-то держаться на плаву. Я не могла допустить, чтобы мы оказались в безвыходном положении или чтобы кто-то из органов опеки забрал у меня Темку. Надо было что-то решать. Моя карьера, мои амбиции, мои песни в стол — все это стало неважно.

— Мы едем в место, где я когда-то жила, — говорю я наконец, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно, хотя внутри все дрожит. — Как я уже говорила, у нас там есть домик. У тебя там даже будет своя комната. Здорово же? — постаралась как можно искреннее улыбнуться я.

 — Угу, — промычал без особого энтузиазма Тема.

Своей комнаты у него никогда не было. Денег хватало только на съем однушки.

— Покрасим стены в любой цвет, какой захочешь. Хоть в зеленый, хоть в синий.
 — В зеленый? — оживляется он. — Здорово!
 — Сошьем тебе шторы в тон, купим светильник в форме звездочки, расставим твои игрушки. Будешь как принц в своем замке.
 — Ага, — уже повеселевшим голосом отвечает он.

Похоже, прокатило. Пока.

Я гнала почти до ночи. Темка снова уснул, свернувшись калачиком на сиденье и подложив под голову свою куртку. Когда глаза начали слипаться, а дорога двоиться, я съехала

на стоянку для дальнобойщиков где-то в Липецкой области. Денег на гостиницу не было — последние пять тысяч ушли на бензин и еду. Придется ночевать в машине. Всего одну ночь.

Я тормошу Темку. Он мычит, отворачивается, не хочет просыпаться, но я заставляю его выйти и почистить зубы. Сама накидываю на окна старые полотенца, чтобы никто не видел, что в машине женщина с ребенком. От этой мысли по спине пробегает холодок, липкий и неприятный. Я проверяю, закрыты ли двери, два раза дергаю каждую ручку, кладу рядом с собой на сиденье разводной ключ — на всякий случай, и стараюсь отогнать от себя тревожные мысли. Завтра мы снова будем полдня в дороге, надо выспаться.

Я проваливаюсь в сон, кажется, всего на минуту. Просыпаюсь от солнца, которое пробивается сквозь полотенца, заливая кабину ярким светом. Смотрю на телефон — проспала пять часов. Но больше не уснуть. Спина затекла, шея не поворачивается, во рту сухо, как в пустыне.

— Мапочка, доброе утро, — Темка трет глаза кулачками и ежится от холода.
 — Доброе, зайчик мой. Как спалось?
 — Не очень, мне было холодно и жестко. Но ничего, — отвечает он.

Мы быстро привели себя в порядок: умылись ледяной водой из бутылки, позавтракали двумя пирожками с картошкой, которые я купила в придорожном магазине. И мне наконец удалось выпить вкусный кофе: нормальный, из кофемашины. Цены тут, конечно, кусались, почти как в Москве, но после сна за рулем мне без кофе — никак. До Ростовской области еще ехать и ехать.

Темка играл сзади фигурками людей-пауков и солдатиками, и впервые за утро у меня было пару минут тишины. Я врубила диск с песнями, которые слушала, наверное, сто лет назад, в другой жизни и старалась не думать о том, что меня ждет. Кажется, меня наконец-то настигла расплата за то, что я тогда сбежала, ни с кем как следует не попрощавшись.

Нужно просто перетерпеть. Год-два. Расходы минимальные, дом свой, свет, газ, вода — за все платить копейки. Возможно, получится скопить денег для первого взноса за свою собственную маленькую квартирку где-нибудь в пригороде Ростова. Тогда мы с Темкой сможем уехать из Березовки и начать все сначала. Уже по-настоящему, без оглядки на прошлое.

Через шесть часов мы въехали в Ростовскую область. Леса стали гуще, поля шире, деревни беднее. Я торможу у знака «Березовка», чтобы сфотографировать Темку на память. Ему весело, он радуется дороге, хоть мы и спали в машине и питались непонятно чем. Для него это приключение, почти как в мультике или сказке. Он выбегает из машины, бежит к знаку, позирует, показывает пальцами класс, кривляется. Я щелкаю его на телефон, и мы едем дальше.

— А мы в большой город едем? — спрашивает он, разглядывая проплывающие за окном поля, перелески и редкие покосившиеся избы.
 — Нет, мы из большого города едем в маленькую деревню.
 — Очень маленькую? — он морщит нос, пытаясь представить.

Как объяснить пятилетке про населенный пункт, где все друг друга знают, где главное событие — открытие нового магазина?

— Там всего три светофора. Одна школа и один садик на всех.— Я не хочу ходить в такой садик, — надувается он, скрещая руки на груди. — Там, наверное, будет очень скучно.

Я тоже этого не хочу, малыш. Поверь, я меньше всего мечтала снова сюда вернуться. Но вслух говорю бодрым голосом:

— Не бойся. Ты у меня общительный, быстро найдешь друзей. Там, может, даже интереснее, чем в Москве. Люди проще, добрее. Вот увидишь.
 — А что там еще есть?
 — Давно я там не была... Заправка, пара магазинов, продуктовый, кафешка, бар «Старая Роза», пара столовых. Да почти ничего. Зато природа красивая. Холмы, лес рядом, речка.
 Темка смотрит разочарованно. Ему, выросшему в мегаполисе, природа не кажется большим плюсом.

Наконец-то начинаются знакомые места. Съезд на Березовку, гравийка, разбитая лесовозами. Когда-то я мечтала уехать отсюда в Ростов, поступить в музыкальное училище, стать

певицей, а затем покорить Москву. Но жизнь распорядилась иначе. Я сворачиваю с трассы на разбитую дорогу, и через пару километров виднеются первые дома — серые, деревянные, с палисадниками.

Деревушка почти не изменилась. Все те же знакомые домики, покосившиеся заборы, та же церковь на холме, белая с золотыми маковками. Мое сердце начинает биться быстрее, где-то в горле застревает ком. Я проезжаю мимо школы, мимо магазина «Эконом», где мы с мамой покупали продукты на последние деньги, мимо бара «Старая Роза» с облезлой неоновой вывеской, которая не горела со времен нашего переезда сюда. И наконец, сворачиваю на свою улицу.

Дом стоит на месте. Он кажется меньше, чем я его помню, и еще более запущенным. Краска на ставнях облупилась, крыльцо покосилось, ступеньки прогнили, в палисаднике буйствуют сорняки выше человеческого роста — лопухи, крапива, полынь.

Я глубоко вдыхаю, считаю до трех и паркуюсь у покосившегося дома с палисадником.

— Приехали, — говорю я Темке, и голос мой срывается.

Он высовывается в окно, внимательно разглядывая наше новое жилье. Дом как дом: деревянный, с резными наличниками, которые когда-то были синими, а теперь облупились до серого дерева.

— Мам, а он не развалится? — с сомнением спрашивает он.
— Не развалится, — уверенно говорю я, хотя сама в этом очень сомневаюсь. — Мы его подлатаем. Вдвоем. Ты мне поможешь?
— Помогу, — кивает он, но смотрит настороженно.

Добро пожаловать в Березовку, Карина. Ты вернулась.

Глава 2

Я сажусь в свой старенький УАЗ «буханка», который уже давно просится на свалку, но пока ездит, и отъезжаю от дома. Домишко у меня крошечный, но я копил на него несколько лет, работая на двух работах. Купил года два назад, все никак не мог обжиться, руки не доходили, но потихоньку, по вечерам приводил его в порядок: перестелил полы, побелил потолок, вставил нормальные окна. Всего в доме две комнатки и кухня — мне больше ничего и не надо. Главное — у меня теперь есть собственный гараж, который я переоборудовал под студию. Туда я перевез инструменты, так что теперь там можно даже небольшие репетиции проводить. Холостяцкая жизнь имеет свои плюсы: никто не пилит, не требует внимания, можно хоть всю ночь играть.

Дорога до работы сегодня — сплошное удовольствие. Воздух чистый, прозрачный, пахнет прелыми листьями, дымком от печных труб и прохладой. Первый по-настоящему осенний день после затяжного бабьего лета. Листья шуршат под колесами, ветер задувает в дверные щели, но мне хорошо и уютно. Я люблю осень. Люблю это время, когда природа засыпает, а люди жмутся ближе друг к другу.

Сегодня суббота, а значит, с утра меня ждут групповые занятия. С малышами — одна история: они шумят, не слушаются, но когда у них получается сыграть простой мотив, извлечь первый внятный звук, глаза у них горят так, что забываешь про усталость, про то, что не выспался. С детьми постарше — другая: они уже могут играть серьезные вещи, задают вопросы, спорят, пытаются играть рок. Это выматывает, но я люблю то, чем занимаюсь. В летние месяцы, когда народ разъезжается кто на юга, кто к бабушкам, групповые занятия — единственное, что позволяет мне платить за аренду этого помещения. Да и вообще, кроме меня, в Березовке больше некому учить детей музыке. Местный ДК уже лет десять как захирел, кружки там только для пенсионеров — вязание да хор ветеранов.

Я открываю магазин. Люблю это время тишины, когда все на своих местах, инструменты спят в чехлах, струны не звенят, барабаны молчат. Кажется, что я их бужу: «Вставайте, ребята, сегодня нам предстоит длинный день». Я протираю пыль с витрин, проверяю, все ли медиаторы на месте.

Название «Аккорд» я придумал не сразу. Долго мучился, перебирал варианты, даже просил совета у знакомых. Магазинчик у меня небольшой, но мне хватает. Он находится на первом этаже старой хрущевки, раньше на его месте была обувная мастерская. Теперь же в старой подсобке я оборудовал небольшой класс для занятий, поставил пару стульев, пюпитры, повесил зеркало, чтобы дети видели, как ставят руки. А в зале — витрины с гитарами (акустическими и электро — китайскими, конечно, не дорогими), пара синтезаторов, укулеле для малышей, духовые — несколько труб и саксофон, доставшийся мне от одного старого музыканта, который уехал в Питер.

Продажи идут так себе, деревня маленькая, люди не спешат покупать инструменты, чаще берут в аренду на пару месяцев или просят научить играть на том, что есть: например, на старой отцовской гитаре, которая пылится на антресолях. Но я люблю возиться с инструментами, люблю этот запах дерева, лака и металла, люблю настраивать их, подкручивать колки, менять струны. В основном кручусь я за счет занятий. Малыши с мамами приходят греметь маракасами и стучать в бубен — это вообще хит последнего года, платят за него исправно.

Я включаю свет, ставлю чайник. Через несколько минут начнется первое занятие.

Первой, как всегда, влетает вечно взбудораженная Алиса, дочка Веры. Она хлопает дверью, заставляя звенеть колокольчики над ней.

— Богдан Евгеньевич! — кричит она и несется обниматься, едва не сбивая меня с ног и чуть не опрокинув подставку с медиаторами.
 — Тихо-тихо, Алиска, чай горячий, уроню

же! — уворачиваюсь я, но все равно глажу ее по голове и поправляю сбившийся набок бант.
 — Извините, — шепчет она виновато и бежит в класс раскладывать свои ноты.
 — Ох уж эта энергия, — вздыхает Вера, заходя следом. Она в рабочем фартуке, от нее пахнет ванилью. — Алиса всю пятницу проплакала, что завтра выходной и она не увидит своих друзей. Ей бы лишь бы с людьми общаться, лишь бы всегда быть в центре событий.
 — Пусть хоть целый день здесь сидит, — смеюсь я. — Работник мне не мешает. Будет помогать медиаторы раскладывать. А ты как, Вер? Давно тебя не видел. В пекарне пропадаешь?
 — Да все нормально, Богдаш, — она отводит взгляд, и я вижу, что она не договаривает. Под глазами синие тени, лицо усталое, осунувшееся, губы потрескавшиеся.

Я знаю, о чем она молчит. Вера работала медсестрой в Березовской больнице. Хорошая была медсестра, ответственная, ее все любили. А пару лет назад она взяла кредит в банке и открыла свою маленькую пекарню. Работы, конечно, прибавилось — надо и тесто замесить в четыре утра, и продавщицей за прилавком стоять, и отчетность в налоговую сдавать, и кредит выплачивать. Ее родители здорово ей помогают: и Алису в школу водят, и на музыку таскают, и вообще внучку на себе тянут, потому что Вера целый день проводит в пекарне, приходит затемно и падает без сил. Я бы рад помочь ей, деньгами или просто подменить, посидеть с Алисой, но Вера не из тех, кто просит о помощи. Гордая, самостоятельная, все тянет на себе.

Мы прощаемся, и она уходит, а я захожу в класс. Вскоре к нам присоединились Пашка из пятого класса с разбитым носом и Соня-тихоня с косичками. Алиса тем временем остервенело терзала струны, периодически их обрывая. Звук, конечно, выходил ужасный, резкий, но видно, как ей нравился сам процесс, как она вкладывала в него душу. Она всегда закрывает глаза, когда играет, и это так трогательно.

Сегодня занятие по струнным. Раздаю укулеле: они маленькие, и дети не так пугаются, быстрее привыкают к инструменту.

После первого класса голова гудит, как пустой барабан. Хорошо, что потом приходят подростки: с ними проще, хоть и приходится держать ухо востро, чтобы не спорили по пустякам и не матерились. Я всех их знаю с пеленок, знаю их родителей, их проблемы. В Березовке вообще все друг с другом знакомы. И это, наверное, самое тяжелое — каждый день видеть одни и те же лица, слышать одни и те же разговоры, знать, у кого какая болячка, кто с кем развелся, кто запил.

Алису забирает бабушка, Нина Петровна. Вера, видимо, уже вся в работе, развозит хлеб по магазинам.

— Ну как она сегодня? — спрашивает Нина Петровна, заглядывая в класс. Она в пуховом платке, с авоськой, из которой торчит батон.
 — Звезда, настоящая звезда, — отвечаю я.
 Она смеется, качая головой:

— А сам как, Богдан? Давно тебя не видно, не слышно. Как жизнь молодая?
 — Да нормально, — вру я. Не то чтобы нормально. Скорее, никак. День сурка, одно и то же. Но Нина Петровна — хорошая женщина, участливая, добрая, не хочу грузить ее своими проблемами.
 — Если что — обращайся за помощью, поможем чем сможем, — говорит она серьезно, глядя мне в глаза. — Чай не чужие люди.
 — Знаю, Нина Петровна. Я Вере то же самое говорил.
 — Ну и славно, — кивает она.

Магазин постепенно пустеет. Я встаю за кассу, перебираю бумаги, проверяю записи на завтра. До закрытия — еще пять часов. Тоска зеленая. Надо будет вечером накатить пивка с Лехой, поболтать о том о сем. Благо, есть с кем убить вечер.

Ближе к семи, когда я уже собираюсь закрываться, заходит Леха. Весь в мазуте, в рабочей робе, от него пахнет бензином и соляжкой.

— Уже время? — удивляюсь я, пересчитывая мелочь в кассе. Инструмента сегодня не продал ни одного, но несколько человек оплатили абонементы на месяц, так что день прошел не зря.
 — Ага. Шевели ногами и руками, а то все пиво разберут, — подгоняет он, поти-

рая руки. — Там, говорят, Таня новую девчонку в бар наняла. Зачетную.
 — Окей, ты со мной, на машине?
 — Да нет, я пешком пойду. Тебе бы тоже полезно было, вон брюхо какое отрастил на гитарных посиделках. Бросай тачку здесь, утром заберешь. Или завтра после работы. Что ей будет? Место тихое, — уговаривает меня друг.
 Он прав. Я живу в двадцати минутах ходьбы отсюда. Да в Березовке в принципе все находится в шаговой доступности. Так что я все же решаю прогуляться с Лехой за компанию.

— Ты сегодня платишь, — говорю я. — Бизнес мой еле дышит, одни абонементы.
 — Ладно, уговорил. Пошли уже. Не будь такой душнилой, — бросает мне он.

Я прячу выручку в сейф под прилавком, хватаю свою старую сумку, перекидываю ее через плечо и проверяю, закрыта ли дверь черного хода.

— С сумочкой-то, гляди, в баре никто клеиться не будет, — ржет Леха, пихая меня в бок. — Сразу скажут — мажор столичный.
 — В баре у нас одни алкаши старые да молодежь, которая косит под бандитов или гопоту. Не больно-то и хочется, чтобы кто-то клеился. А сумка — вещь удобная. Все нужное всегда под рукой: ключи, документы, наушники, книжка.
 — Не теряй надежды, брат. Может, заедет в Березовку какая-нибудь красotka на белом «мерседесе» и на тебя западет.

Леха шутит, но я уже почти смирился, что либо уеду отсюда когда-нибудь, если продам магазин, либо умру в одиночестве под звуки собственной гитары. Я знаю в этом городе каждого. Со многими приятно поговорить, но все же не хватает чего-то. Или кого-то...

Леха тоже никуда не денется. У него сестра с особенностями развития, за ней нужен постоянный уход, а родители уже старые, больные. Леха единственная опора для них. Хотя иногда он крутит шашни с местными девчонками, чтобы, как он говорит, «выпустить пар». Но надолго его не хватает — все эти девушки быстро понимают, что он не готов к серьезным отношениям.

Мы запираем дверь магазина и идем в сторону бара. Из открытых окон «Старой Розы» доносится музыка, какие-то пьяные мужики орут матерные частушки, смеются, стучат бокалами. В общем, обычная суббота в Березовке.

— Надо бы тебя туда устроить играть по вечерам, — говорит Леха, закуривая на ходу. — Заработал бы себе на нормальную машину, а не ездил бы на своем корыте.
 — Они меня не потянут. Им бы попсу, да погромче, а не мой рок. Им Кобзона подавай или Стаса Михайлова.
 — Ну, Стас — это тоже музыка, — смеется Леха.

Мы толкаем дверь, и Леха замирает как вкопанный, чуть не споткнувшись о порог.

— Это кто такая? — выдыхает он, вытягивая шею и чуть не роняя окуроч.

Я смотрю в сторону барной стойки. За ней стоит девушка. Светлые волосы собраны в высокий хвост, из-под которого выбиваются и падают на лицо пряди. Лица не видно, она, склонив голову, моет стаканы. Но Леха уже поплыл, я вижу это по его глазам, по тому, как он расправил плечи.

— Понятия не имею. Новая официантка, наверное. Таня же говорила на той неделе, что ищет кого-то на подмену, прошлая в декрет ушла. Пойдем, я ж сегодня угощаю, — заявляет он и, как навигатор, берет курс на барную стойку, забыв про меня и про все на свете. Я плетусь за ним, снимая куртку. Девушка продолжает мыть стаканы, не замечая его. Но Леха буквально пожирает ее взглядом. Если эта официантка задержится здесь надолго, боюсь, друг поселится в баре, и я снова останусь один. Хотя, может, оно и к лучшему — вдруг Лехе наконец повезет в любви.

Глава 3

Несколько лет назад

Мы едем уже три часа, и я не сказала матери ни слова. Я знаю, что делаю ей больно своим молчанием, своей отстраненностью, но мне плевать. Нет... На самом деле, не плевать, просто я так устала, так морально вымоталась, что сил нет даже на разговор, даже на то, чтобы просто посмотреть в ее сторону.

Мне остался последний год в школе. Последний! Она могла бы уговорить отца дать нам остаться в Ростове, хотя бы меня оставить, к подруге подселить. Я знаю, отец не выбирает место службы, но у него высокий чин в военкомате, он мог бы повлиять на распределение, договориться, найти другой вариант. Но он не захотел. Ему здесь пообещали должность повыше, вот он и ухватился за это предложение, как собака за кость.

У меня наконец-то появились друзья. Настоящие, не на один год. Я ходила на свидания, играла в школьном театре, меня даже хвалили, говорили, что если развивать свой талант, меня ждет большое будущее. Это нечестно — срывать меня с места за год до выпуска, когда вся жизнь впереди, когда только-только начало что-то складываться.

Я пыталась им объяснить, кричала, плакала, даже убегала из дома, ночевала у подруги. Но им было все равно, они даже слушать меня не хотели. Папа будет больше получать здесь, в этой дыре под Ростовом. Это главное. А мама всегда готова сорваться и ехать за ним, как солдат по приказу.

Я вижу, что ей здесь тоже плохо, тоскливо, хоть она и не показывает, держит лицо. В Ростове у нее были подруги, они вместе ходили в бассейн, в кино, в кафе. Она любила ездить на этюды в Завидово, писала акварелью: у нее неплохо получалось, по-любительски, но с душой. Я помню те картины, они висели у нас дома в гостиной. А тут? Ни бассейна, ни этюдов, ни подруг. Был книжный клуб, куда она ходила раз в месяц, — и того не стало. И у меня там были друзья. И театр. И вся моя жизнь.

Не то чтобы в Ростове все было идеально, как в раю. Отец был таким же — вечно недовольным, срывающимся на нас. Но там можно было уйти из дома, когда становилось совсем невмоготу. Пойти к подруге, в парк, в торговый центр, просто побродить по набережной. А тут? Тут из дома выйдешь — и сразу попадешь в поле, в темноту, в грязь.

Мы уехали прямо перед каникулами, в декабрьскую стужу. Все каникулы я проторчу в этом доме одна, потому что в новую школу пойду только после Нового года.

Тут нечего делать, я это сразу поняла, как только мы въехали сюда. Крошечная деревушка, пейзаж, как на открытке «Русская глубинка». Говорят, тут красиво летом, но я пока не видела ничего, кроме серых заборов и сугробов, перемешанных со слякотью под ногами.

Дом как дом, разве что двухэтажный. Стены выбелены кое-как, три комнаты, кухня с облезлым гарнитуром, который еще, наверное, при царе Горохе ставили, с допотопной плитой и раковиной, которая вечно засоряется. Маленький дворик, заваленный снегом по пояс. Из него видно дорогу, что ведет из Березовки в никуда. Прямо как в песне — «Дорога без конца».

Может, теперь, когда у нас появился собственный двор, мы наконец-то заведем собаку? Хотя вряд ли, папа не разрешит, он собак не любит, говорит, от них только грязь и шерсть. Он вообще против всего, что приносит радость, что делает жизнь хоть немного лучше. Ладно, может это и к лучшему: когда я съеду от них через год, собаку оставить будет не на кого. Я не смогу доверить ему ни одно живое существо. Он и нас-то с мамой еле терпит.

Хорошо, что по близости нет соседей. Тут вообще дома редко стоят, больше огороды да поля.

Отец уехал на работу рано утром, на следующий день после переезда, даже не пожелав нам доброго утра. Мы с мамой остались разбирать вещи. Начали с кухни — самой грязной

комнаты: нам предстояло отмыть ее от жира и перебрать имевшуюся посуду, которая в большинстве своем была битой. Свою комнату я оставляю на вечер, чтобы был повод закрыться и не выходить из нее, когда отец вернется с работы. Если я пытаюсь побыть одна, он начинает беситься и орать, пока я не выйду к ним в зал смотреть его скучный телевизор и слушать дурацкие новости. Ему нужно, чтобы все были в сборе, за одним столом, как в рекламе счастливой семьи из 90-х. Только счастьем здесь и не пахнет, только напряжением и страхом.

Рядом с ним я постоянно как на иголках, как на минном поле. Боюсь лишний раз вздохнуть, пошевелиться, сказать лишнее слово. Вечно я все делаю не так: не так сижу, не так смотрю, не так дышу, не так ем. А мама пытается ему во всем угодить, выслужиться, задобрить, чтобы он не злился, не кричал. А мне плевать, что он думает, мне уже все равно. Только вот маму жалко до слез. Она уже давно превратилась в тень, в призрак самой себя. Иногда я смотрю на нее и думаю: вот что ждет меня, если я не вырвусь отсюда, если не уеду и не начну новую жизнь.

Мы расставляем тарелки молча, только звон стоит в тишине. За годы переездов мы перебили кучу посуды, но в этот раз пока обошлось без потерь. Вся утварь дешевая, с рынка, поэтому мне не жалко разбить лишнюю тарелку. Но мама экономит каждую копейку, так что я стараюсь быть аккуратнее. Лишний скандал мне не нужен.

Внезапно кто-то стучится в дверь. Мама идет открывать, а я выглядываю из кухни, вытирая руки о тряпку.

На крыльце стояло две женщины, одеты они были просто, обе — в строгих длинных юбках и теплых кофтах на пуговицах, у каждой — по авоське в руках, из которых виднеются батоны и пакеты молока. Типичные деревенские жительницы. — Здравствуйте! Мы видели, как разгружался грузовик с вещами, и решили зайти, познакомиться с новыми соседями, — щебечет одна из них. Лицо у нее доброе, голос — громкий, командный. — Ой, спасибо, очень приятно, — мама мнетя, вытирая руки о фартук, и краснеет от смущения.

— А вы надолго к нам? — спрашивает вторая, с любопытством заглядывая в прихожую, пытаясь рассмотреть обстановку внутри. — Мы насовсем. Муж на работу перевелся. Только сегодня приехали, еще и вещи разобрать не успели, — мама кивает на коробки в прихожей, наваленные горой до потолка. — А вы приходите к нам в церковь. У нас по средам женские встречи, собрания. Душевно посидим, поговорим о жизни, о детях, чаю попьем с пирожками, — первая женщина протягивает маме яркую листовку с картинкой храма и описанием служб.

Наша семья никогда не ходила в церковь. Отец считает, что это ерунда, мракобесие, попы — бездельники, а вера — опиум для народа. Но я вижу, как маме одиноко, как она тоскует по подругам, по живому общению, по женским разговорам. Может, она все-таки согласится? Хотя по средам будет куда деться от отца и от этой унылой жизни.

Когда женщины ушли, я спросила у мамы:

— Ты пойдешь? — Не знаю... — она вертит листовку в руках, разглядывая картинку: круг улыбающихся теток с кружками чая и пирогами. — Может, и схожу разок. Посмотрю, что за люди. Хуже не будет. — Сходи, у тебя хоть какая-то своя жизнь будет, а не только готовка и уборка, — бурчу я. — Карина! — шикает мама, оглядываясь на дверь. — Не смей говорить так об отце.

Я уверена, что глубоко внутри она со мной согласна, но никогда в этом не признается, даже самой себе. Я как-то сказала ей, чтобы она от него ушла, развелась, начала новую жизнь. Она расплакалась и сказала, что не выживет одна, без него, без денег. Она никогда не работала, забеременела мной будучи молодой девятнадцатилетней девушкой. Ей пришлось бросить учебу, поэтому у нее нет ни профессии, ни опыта работы. Куда ей идти? К кому?

После этого мы продолжили уборку на кухне, а затем успели разобрать почти все вещи. К тому моменту, как отец вернулся с работы, дом уже был чист и пахло вкусной пиццей, которую мама купила в местной кафешке. Времени на готовку у нас совсем не осталось.

— Эти козлы на работе бардак развели, не знаю, как разгрести теперь, — бросает он, плюхаясь за стол.

Он вечно ноет, вечно всем недоволен. — Все наладится, милый, — успокаивает его мама. — А разве тебя не для этого послали? Чтобы порядок наводить, бардак разгрести? — спрашиваю я с вызовом, но меня, конечно, игнорируют, как будто я — пустое место. — Хорошо бы сегодня поесть нормальной домашней еды, — цедит он, попутно откусывая кусок от пиццы. — А то эта ваша сухомятка уже поперек горла стоит.

Мы целый день таскали коробки, мыли полы, драили плиту, разбирали вещи. Но он, как обычно, придирается, ищет повод, чтобы сорвать на нас злость.

Мама отодвигает тарелку, съев всего полкуска. Молчит, опустив глаза в пол.

— Да когда ж ты заткнешься? — тихо выругиваюсь я себе под нос. — Я хочу прийти с работы и видеть дома порядок и нормальный ужин, а не эту бурду, — он отхлебывает пиво из бутылки и громко рыгает. — Мы целый день убирались, — едва слышно шепчет мама. — У нас не было ни сил, ни времени на готовку. — Да у вас всегда найдется повод. Бездельники, — зло бросил в нашу сторону отец. Он вскакивает, отшвыривая стол так, что некоторые тарелки полетели на пол. Хватает ключи от машины, бумажник и вылетает во двор, хлопнув дверью.

— Придурок, — шепчу я еле слышно, сжимая в руке вилку. — Витя, постой! Вернись! — кричит мама вслед, но он уже уехал, взвизгнув шинами по льду.

Мы сидим в тишине, нарушаемой только тиканьем старых часов. Мама не любит, когда я злюсь и огрызаюсь, но еще больше она не любит, когда отец уходит из дома в ярости, в гневе. Она боится, что он не вернется, или вернется еще злее, пьяный, или разобьет машину.

— Я пойду пройдуся, проветрюся, — говорю я, поднимаясь из-за стола. — Куда? Темно уже, холодно, — мама поднимает на меня испуганные глаза. — Мам, я ненадолго, далеко уходить не буду, обещаю, — успокаиваю ее я. — Не волнуйся.

На ходу набрасываю на себя куртку и выхожу во двор. Мороз сразу же обжигает мои щеки, но после того напряжения, которое повисло у нас дома, это даже приятно отрезвляет. Куда я иду, сама не знаю, ноги сами несут меня по дороге, сплошь заметенной снегом. Но деревня маленькая, не заблужусь.

Через полчаса выхожу на центральную улицу. Почта и библиотека уже давно закрыты, на двери висят массивные замки. Работает только круглосуточный магазин на углу, в нем тускло светятся окна, а у входа толкуются мужики. Справа виднеется школа: серое трехэтажное здание с облупленной краской и старой потрескавшейся вывеской. Даже думать не хочу о том, что уже через неделю мне предстоит ходить в нее.

За школой вижу детскую площадку и решаю направиться туда. Все равно денег нет, в магазин не зайти, а возвращаться домой совсем не хочется. Сажусь на качели, ржавые цепи которой противно скрипят из-за холодного зимнего ветра. Медленно раскачиваюсь. Взлет — и чувство, что ты отдельно от всего мира, от этой дурацкой жизни, от этого города. На секунду становится легко, свободно.

Внезапно за спиной раздается голос:

— Ты кто?

Я чуть не падаю с качелей, сердце уходит в пятки. Рядом, на соседних качелях сидит девочка примерно моего возраста. В пуховике и вязаной шапке с огромным помпоном. Она смотрит на меня с нескрываемым интересом.

— Карина, — выдыхаю я, пытаюсь унять сердцебиение. — Красивое имя. Я тебя раньше здесь не видела, а я тут всех знаю. Ты недавно приехала? — спрашивает она так легко,

словно мы сто лет знакомы.
— Ага. А как ты догадалась?
— У нас тут особо ничего не происходит, — она пожимает плечами, поправляя шапку. — И новых людей почти не бывает, раз в год, может, кто-то приедет, и то не факт. А ты откуда?
— Из Ростова.
— Круто! Ростов — очень красивый город. Я там была пару раз, с родителями на экскурсию ездила. Скучаешь уже по городу?
— Ужасно скучаю, — призналась я.
— А друзей у тебя много там было?

Стоит ли врать, чтобы казаться круче, популярнее? Я смотрю на нее — она смотрит открыто, без подвоха, насмешки. Решаю не врать, зачем?

— Да нет, близких всего парочка. Я не успеваю заводить много друзей, так как мы часто переезжаем из-за работы отца.

После каждого переезда все мои связи обрывались, как ниточки. Сложно поддерживать дружбу на расстоянии.— А я Вера, — представляется она, протягивая руку в варежке. — Всю жизнь тут живу. Скуотица смертная, конечно, но люди у нас хорошие, простые. Не переживай, не пропадешь, прорвемся.

Мы болтаем о всякой ерунде: о музыке (она любит попсу, а я рок), сериалах, книгах. Оказывается, у нее тоже не все гладко в семье: родители вечно заняты на работе, так что она предоставлена самой себе, гуляет где хочет.

— Что ж, было приятно познакомиться, — говорит она, слезая с качели. — Увидимся в понедельник в школе.

Я киваю, и Вера, помахав рукой, скрывается в темноте. Странная, конечно, девчонка, непосредственная, но, по крайней мере, я уже знакома хоть с кем-то из своей новой школы. И это уже что-то.

Я еще немного покачалась, глядя на звезды, а потом медленно побрела домой. В окнах нашего дома было темно. Мама, наверное, уже легла спать, а отец еще не вернулся. И слава богу, и хорошо.

Глава 4

Несколько лет назад

Ненавижу этот галстук. Он душит меня, трет шею, впивается в кадык острым узлом, и вообще, я в нем похож на какого-то идиота. На мальчика из хорошей семьи, каким меня хотят видеть родители. Утро воскресенья, последний день зимних каникул, завтра уже в школу, а я сижу в церкви, в этом нелепом пиджаке, который стал маловат мне за лето — рукава жмут в подмышках, плечи тянут, дышать нечем. И слушаю, как батюшка — мой отец — проводит воскресную службу. Голос у него низкий, красивый, поставленный, но слова сливаются для меня в привычный гул, и я уже давно перестал улавливать их смысл.

Лучше бы я остался дома и поспал часок-другой. Или поиграл на новой двенадцати-струнке, которую мне подарили на Новый год. «Ямаха», красное дерево, звук — объемный, глубокий, как омут. В прошлом году я освоил обычную гитару и стал мечтать об электро. Музыка была моим единственным хобби. Компьютерные игры мне не светили: мои родители — люди верующие, они не одобряют их, считают бесовским развлечением, пустой тратой времени, так что музыка — единственная отдушина, единственная радость в этом доме, пропахшем ладаном.

Отец бубнит что-то про спасение души, про грехи и покаяние. Я не слушаю. Смотрю на витраж с голубем — стекло мутное, холодное, голубь похож на курицу. На золотые купола, на прихожан, которые зевают в кулак, крестятся, кланяются. Наверное, я не попаду в рай. Не потому что я плохой, не потому что много грешу (хотя, наверное, грешу — мысленно посылаю всех подальше, это же грех?). Просто не верю во все это. Если бы Бог был, разве позволил бы он столько войн из-за религии, столько смертей, столько боли? Сошел бы с небес и сказал: «Люди, одумайтесь». Но нет — тишина, пустота. Только снег за окном и морозный пар изо рта.

После службы — молодежное собрание в трапезной. Его проводят для подростков, чтобы те общались, играли в настольные игры, обсуждали Библию и пили чай с булочками. Меня тоже заставляют ходить туда. Для моих родителей — это повод познакомить меня с какой-нибудь благочестивой девушкой, семья которой тоже является верующей. Они мечтают о том, что после окончания школы я сразу женюсь и продолжу дело отца — пойду служить в церковь. Но в мои планы на будущее это не входит.

Вот моя старшая сестра, Лиза, обожала церковь и, как только ей стукнуло восемнадцать, вышла замуж за парня из прихода. Естественно, они сразу же обвенчались, а через семь месяцев после свадьбы она родила. Все сделали вид, что так и надо, что это нормально. Старший брат, Миша, живет отдельно от нас, в церковь не ходит, работает на заправке, выпивает. Запил с горя — после того как не поступил в колледж. Отец его чуть не проклял. Вот бы и мне съехать после выпуска, найти работу, жить своей жизнью, подальше от всего этого. Мне нужно продержаться всего лишь год, а потом свалить куда глаза глядят. В Ростов, Москву или Питер — куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Родителей мои планы не впечатлили. Они доставали меня несколько недель, уговаривали, стыдили, пока я не пообещал подумать о службе. Они даже предлагали оплатить мне музыкальное училище, если я пообещаю пойти в священники. Я согласился, чтобы они наконец отстали от меня. А сам продолжал тайком мечтать о музыкальной карьере, о собственной группе, альбомах...

Через несколько минут начнется собрание. Молодежь уже заходит в зал, рассаживается по лавкам. Я смотрю в пол, на свои разношенные ботинки, которые просят каши. Тут почти все знакомые, и большинство — младше меня, скучные, правильные. С ними вообще не о чем поговорить. Они обсуждают, кто как постится, какие молитвы читают. Мне тошно от этого.

Я сажусь на свое место у стены и поднимаю глаза.

Напротив, через пару скамеек от меня, сидит незнакомая девушка.

Красивая. Очень красивая. Темные волосы с легкими светлыми прядками, выгоревшими на солнце, мягкой волной спадают на плечи. Она грызет ноготь и смотрит в пол, словно ей тоже все это до лампочки, как и мне. В ней чувствуется что-то другое, нездешнее. Не эта правильная благостность, а усталость, даже какая-то обреченность. Будто она тоже не отсюда, не из этого мира, тоже чужая здесь.

Я понимаю, что откровенно пялюсь на нее, но не могу отвести взгляд. Что-то в ней цепляет меня — может, ее отстраненность, будто она мыслями где-то далеко. Может, тоже ненавидит эти сборища? Интересно, откуда она? Новенькие обычно приходят с родителями, но рядом с ней никого нет, она одна.

Отец хлопает в ладоши, привлекая внимание и призывая к тишине. Он в подряснике, борода расчесана, лицо доброе, но глаза цепкие, все видят.

— Рад видеть вас всех. Сегодня у нас особый гость — отец Михаил из Ростова, он расскажет о миссионерской работе среди молодежи...

Я думаю о том, где хотел бы быть сейчас. На море. В машине по пути в Москву. Где уютно, только не здесь. Только не слушать религиозные речи.

Снова смотрю на новенькую. Она кусает губы, нервничает, оглядывается по сторонам. Видно, что она тут никого не знает и чувствует себя не в своей тарелке, неуютно. Что она здесь забыла? Откуда она? Может, ее семья переехала к нам недавно?

Наконец, священник заканчивает свою речь. И наступает свободное время, в которое молодежь может пообщаться друг с другом. Я собираюсь с мыслями и подхожу к новенькой:

— Привет, я Богдан, — протягиваю руку, стараясь, чтобы голос не дрожал. Ладонь чуть вспотела, но я надеюсь, она не заметит.

— Карина, — отвечает она, пожимая ее. Рука у нее холодная и чуть влажная, узкая ладонь. Пальцы тонкие, с обкусанными ногтями. Видно, что нервничает.

Карина. Какое красивое имя.

— Я из Березовки. Коренной, можно сказать. А ты откуда? Я тебя раньше здесь не видел.

— Папа в военкомате работает, военный. Мы часто переезжаем: и в Калуге жили, и в Воронеже и даже в Беларуси недолго, в Бресте. Но последние пять лет — в Ростове. А недавно отца снова перевели, теперь живем здесь.

— Ничего себе. Я тебе даже немного завидую. Так много путешествовать, видеть новые места — это же, наверное, круто, интересно. Я нигде не был, кроме Березовки. Разве что пару раз ездил в Ростов.

— Нечему завидовать, — она криво усмехается. — Друзей толком нет, не успеваешь привязаться. Подружусь с кем-то, и через пару месяцев мы уезжаем. Так что смысла в этом нет. Только больнее потом. Я уже привыкла ни с кем не сближаться.

— Печально, — говорю я искренне, потому что мне правда ее жаль. Я даже представить не могу, каково это — везде быть чужим, нигде не задерживаться. — А в Ростове как жилось?

— Нормально, я надеялась окончить там школу, поступить в универ. Но оказалась здесь. А тут... — она оглядывается на иконы, на людей, на дубовые панели стен. — Скука и глушь. Маленькая деревушка, как я поняла, все друг друга знают, а я снова здесь чужая.

С одной стороны, я понимаю ее, но с другой, с удовольствием поменялся бы с ней местами. Все же переезжать с места на место выглядит интереснее, чем всю жизнь жить в Березовке. Тут тоска смертная. Но я ей этого не говорю, чтобы не обидеть.

— А с теми друзьями, ну, из других городов, общаешься? — спрашиваю я.

— Иногда, — пожимает она плечами. — Мне в интернете сидеть особо не разрешают, отец считает, что это вредно, отвлекает от учебы.

Она закусила губу, и я вижу, что она сдерживает слезы, что ей больно, обидно. Мне хочется ее обнять, прижать к себе, сказать, что все будет хорошо, что она не одна такая, но я не умею поддерживать, не научен. В нашей семье не принято говорить о чувствах, только о долге и спасении. Поэтому я решаю сменить тему.

— Вы с родителями раньше в церковь ходили? — интересуюсь я.

— Не-а. Маме тут подружки нужны, общение, вот она и приходит, чтобы не сойти с ума от скуки. А я пришла с ней за компанию, хоть какое-то разнообразие, все лучше, чем дома сидеть. Там отец вечно ворчит, телевизор орет...

— А меня силком таскают, — говорю я, засовывая руки в карманы брюк. — Нехорошо, если сын батюшки не ходит в церковь. Люди скажут — нерадивый, не чтит отца.

— Оу... — она округляет глаза, удивляется. — Так ты сын священника?

— Ага. Клеймо на всю жизнь, — я усмехаюсь, но в голосе горечь. — Все думают, что я весь из себя правильный, а я обычный. Даже хуже, наверное.

— Не знаю, — она смотрит на меня с интересом. — Ты не похож на правильного. Ты нормальный.

— Спасибо, — улыбаюсь я. — Это лучший комплимент, который я слышал.

— Ладно, мне уже пора. Приятно было познакомиться.

Улыбнувшись на прощание, она быстро уходит, и я не успеваю попрощаться в ответ. Она мелькает в толпе, машет кому-то рукой и исчезает за дверью. А я стою, как дурак, глядя ей вслед.

Но я запомнил ее имя. Карина. И надеюсь увидеть ее в школе после каникул. Может, она будет учиться в параллельном классе? Или в нашем? Надо будет узнать у Лехи, он всех новеньких знает.

Выхожу из церкви. Мороз щиплет щеки, снег скрипит под ногами. На душе странно — и тоскливо, и радостно одновременно. Карина... Как красиво звучит ее имя.

Глава 5

Я паркуюсь у дома. Глушу машину, и наступает звенящая, почти осязаемая тишина. Слышно только, как Темка возится сзади, перебирает свои игрушки в рюкзаке — машинки, солдатики, какие-то фигурки. Дорога от Москвы вымотала нас обоих: четырнадцать часов за рулем, сон в машине, из еды — одна сухомытка. В общем, к моменту нашего приезда мы уже были выжаты как лимон. Темка всю дорогу смотрел в окно, считал грузовики, задавал вопросы: «А это какой город? А долго еще? А мне будет, с кем дружить там?» Я отвечала односложно, потому что думала о том, что нас ждет.

«Даа... — думаю я, — работы нам предстоит немало». Надо бы вырвать сорняки, побелить стены, фасад помыть, хоть немного привести в божеский вид. Но когда и где взять силы на это?

Из закрытой веранды видно, как коробки громоздятся до подоконников, пыльные, старые. Мама никогда ничего не выбрасывала. Все, что попадало в дом, оставалось здесь навечно. Газеты пятилетней давности, банки, тряпки, старые пальто, какие-то приборы. Я знаю, что меня ждет, и меня уже тошнит от одной мысли об этом.

Иду к машине, открываю дверь и помогаю сыну выбраться.

— Выходи, солнышко, только осторожно, домик старенький, тут все разваливается.

Он выпрыгивает из машины, оглядывается. Двор, заросший бурьяном, старый сарай с провалившейся крышей, соседские заборы. Для него это приключение. Для меня — возвращение в прошлое, от которого я бежала шесть лет назад.

Я открываю дверь своим ключом (мама прислала его почтой, когда ее в очередной раз увезли в больницу). Замок старый, скрипит, дверь тяжелая, обитая дерматином. Мы входим. В нос ударяет запах сырости, пыли, затхлости и чего-то сладковато-гнилостного, доносящегося из подвала. Похоже, в подвале что-то протекло, может, трубы лопнули. Надо будет спуститься и проверить.

— Мам, тут столько вещей! — Темка оглядывает заваленные коробками комнаты, раскрывает рот от удивления. Стопки газет, старые журналы, книги, какие-то тряпки, посуда, банки с соленьями, которые уже давно нельзя есть — рассол помутнел, крышки вздулись. Все в толстом слое пыли, паутине.

— Да, сынок. И наша задача — все это разобрать, выкинуть, рассортировать. Я начну с твоей комнаты, чтобы вечером ты уже мог в ней спать. А ты пока посиди в машине, поиграй в планшет или в игрушки.

Он кивает, но смотрит на все это с ужасом, с опаской. Я вывожу его обратно, даю планшет, а сама сажусь на крыльцо. Надо начать с малого: поискать в интернете контейнеры для мусора, адрес свалки. Скорее всего, придется нанимать грузчиков, одной мне не справиться. Но деньги... деньги на исходе. Ладно, разберемся.

Возвращаюсь в дом. Начинаю с прихожей. Скидываю с вешалки старые пальто, куртки, шапки. В карманах — какие-то квитанции, старые трамвайные билеты, мятные конфеты, превратившиеся в камень. Все летит в мешок.

Поднимаюсь на второй этаж. Ступеньки скрипят под ногами, перила шатаются. Моя старая комната, комната родителей, крошечная ванная с ржавой ванной, где мама стирала белье вручную. Комната матери в ужасном состоянии — там столько ненужного хлама. Шкаф забит тряпьем, на полках — коробки из-под обуви с какими-то бумагами, письмами, фотографиями. Я закрываю дверь в ее комнату — здесь я уберусь потом.

Сначала занимаюсь своей старой комнатой — теперь Темкиной. Там все не так уж и запущено, до вечера, думаю, управлюсь. На стенах висят постеры с любимыми музыкальными группами, в углу стоит кровать, застеленная выцветшим постельным бельем, рядом — ста-

рый письменный стол, весь исцарапанный.. На столе — стопка тетрадей, книг, какие-то безделушки.

Я скидываю все в огромные мусорные мешки. Постеры сдираю со стен — они отходят вместе с кусками обоев, осыпаются желтой трухой. Белье комкаю — и туда же. Тетради и книги уже отсырели, страницы пожелтели, разбухли, пахнут плесенью. Все это тоже летит в мусор. Оставляю только школьные альбомы, пару фото с мамой и папой из счастливых времен в Ростове, где мы еще улыбаемся и выглядим как счастливая семья. Я тогда еще верила, что все будет хорошо.

Выволакиваю мешки на улицу, сваливаю у забора в кучу. Завтра позвоню и закажу контейнер..

Через час появляется Темка, которому уже изрядно надоело сидеть в машине.

— Мам, тебе помочь? Может, я тоже могу что-то сделать? — он стоит в дверях, смотрит на меня с жалостью. Видит, как я устала, как пот градом течет по лицу.

— Нет, спасибо, солнышко. Твоя комната почти готова, осталось совсем чуть-чуть. Кстати, телик внизу работает, каналов, конечно, маловато, но что-нибудь точно найдешь, может, мультики. А я пока доубираюсь и застелю твою кровать. В Москве я купила для тебя новое постельное белье, яркое, с машинками. Тебе понравится.

Он включает телевизор и ищет, что посмотреть, а я продолжаю убираться. Стираю пыль с подоконников, мою полы. Потом застилаю кровать новым бельем, кладу на подушку серого зайца и расставляю его фигурки на полке: солдатики, лего-человечки, трансформеры.

— Твоя комната готова, — говорю я, спускаясь. Уставшая, но довольная.

Темка мчится наверх, и я слышу его радостный вопль, топот. Потом он выбегает, обнимает меня:

— Спасибо, мамочка! Как круто! — он обнимает меня и бежит обратно к себе в комнату.

Я спускаюсь в зал. Обстановка в нем оставляет желать лучшего. У стены стоит старый продавленный диван, рядом — кресло с вылезшими пружинами, напротив, возле телевизора — сервант с посудой: в нем до сих пор хранится мамин хрусталь, который она никогда не использовала. Все в пыли, в паутине. Я открываю окно, чтобы проветрить, и выхожу на кухню.

Здесь все тоже в ужасном состоянии. Плита старая, газовая, страшно включать — вдруг взорвется? Пыльные потрескавшиеся шкафчики, старая посуда, ржавая раковина... На маленьком кухонном столе я снова нахожу небольшую стопку местных газет — мама выписывала «Березовский вестник». Листаю их и между страниц обнаруживаю яркую, цветную листовку:

«Магазин „Аккорд“. Музыкальные инструменты. Групповые занятия музыкой для детей и взрослых. 300 рублей в час. Суббота и воскресенье, 11:00. Индивидуальные уроки — по договоренности. Ждем вас по адресу: ул. Советская, 14»

Я вешаю листовку на холодильник. 300 рублей в час — это доступно. Темка никогда не посещал какие-то кружки и секции — в Москве это дорого, не по карману. Обходились только развивающими занятиями в саду. А тут можно попробовать. Как раз познакомится с другими детьми, может, найдется кто-то и его возраста. Завтра схожу и узнаю. Надо же его чем-то занять, пока я разбираю завалы.

Уже прошел час, как мы заказали доставку пиццы из местной кафешки. Ужинали мы на полу в зале, на расстеленной газете, потому что кухню мне еще предстояло отмыть. Пицца не самая вкусная из тех, что мы когда-то пробовали, но Темка был доволен — и это самое главное для меня.

После ужина я уложила Темку в его комнате, а сама легла на кровать в спальне родителей. Долго не могла уснуть — слишком тихо, непривычно. В Москве никогда не было так тихо, даже ночью, даже в спальном районе за МКАД. Там всегда слышится шум машин за окном,

голоса, музыка из соседних квартир. А здесь — только завывание ветра, стук веток по стеклу да протяжный лай собак.

Я думаю о маме. Завтра надо будет съездить к ней в больницу, навестить. Наверное, она меня не узнает. За эти шесть лет я ни разу не приезжала к ней, только созванивалась по телефону. Даже по видеосвязи мы никогда не говорили. Потому что у мамы был старый кнопочный телефон. Хотя я изредка отправляла ей по почте наши с Темкой фотографии...

После смерти отца от инфаркта (это случилось через пару лет после моего отъезда), мама совсем сдала. У нее начались проблемы с сердцем. Сначала она обходилась лечением, которое выписал ей доктор. Но в последний год скорая стала приезжать к ней как минимум раз в месяц. Поэтому большую часть времени она проводила в больнице.

Еще немного поворочавшись в кровати и думая о маме, я наконец-то провалилась в сон.

Проснувшись я под тот же звонкий лай собак, под который не могла уснуть ночью. На завтрак мы с Темой доели остатки вчерашней холодной пиццы. Я мысленно сделала себе пометку, что сегодня надо обязательно выделить время и отмыть плиту. Пока мы завтракали, я рассказала ему о музыкальных занятиях, которые проводятся в деревне, — ему эта идея очень понравилась. Поэтому мы решили не тянуть и прямо утром поехать на разведку, познакомиться с преподавателем.

Магазин музыкальных инструментов находился на другом конце города. К нему надо ехать через всю Березовку. Я молюсь, чтобы машина не сломалась по пути. Темка смотрит в окно, разглядывая новый пейзаж: деревянные дома с резными наличниками, пятиэтажки-хрущевки, пустыри, заросшие бурьяном, заброшенный кинотеатр «Космос» с выбитыми окнами. Он никогда не был нигде, кроме Москвы и ближайшего Подмосковья. Я мечтала о гастролях, о том, чтобы показать ему мир, но этим мечтам не суждено было сбыться. Я была молодая и глупая, когда верила, что все получится. Но реальность оказалась слишком суровой: мать-одиночка с маленьким ребенком на руках, в чужом городе, без денег и нормальной работы.

Паркуюсь возле старой хрущевки, на первом этаже которой светится неоновая вывеска — «Аккорд». На окнах — постеры с гитарами, барабанами. Рядом — знакомая церковь, та самая, где я познакомилась... а впрочем, неважно.

Через пару минут мы уже заходим внутрь. Над дверью звенит колокольчик. Внутри пахнет деревом, лаком, струнами и немного кофе. Обстановка очень уютная. На стенах — гитары, акустические, электро, бас-гитары. На витринах — барабаны, тарелки, микрофоны, стойки. Темка тянется к гитаре, висящей на стене.

— Не трогай, — шикаю я. — Это чужое. Нельзя трогать без разрешения.

Из подсобки выходит мужчина — и тут мое сердце начинает бешено колотиться. Я узнаю его сразу, хотя прошло уже шесть лет. Та же улыбка, тот же взгляд. Только он стал взрослее, возмужал, раздался в плечах, стал шире, но глаза все те же — серо-зеленые, с хитринкой.

— Богдан? — выдыхаю я, не веря своим глазам, думая, что все это мне мерещится. Голос дрожит.

— Карина? — он проводит рукой по волосам, взъерошивая их. Видно, что он удивлен не меньше меня. — Не ожидал тебя здесь увидеть. Совсем не ожидал.

— Волосы отрастил? — говорю я первое, что приходит в голову, чтобы заполнить неловкую паузу. Глупость, конечно, но что еще сказать?

— А у тебя сын, — кивает он на Темку, который уже вовсю вертит в руках маленькую укулеле.

— Да. Это Темка, Артем, — я подталкиваю сына. — Поздоровайся.

Темка машет рукой, не отвлекаясь, разглядывая витрины с гитарами и барабанами.

— Каким ветром тебя сюда занесло? — спрашивает Богдан.

— Я не думала, что вернусь. Но... жизнь так сложилась, обстоятельства, — я не могу подобрать слов.

— Рад, что зашли, — говорит он, и голос его звучит ровно, спокойно, хотя я вижу, с каким интересом он рассматривает Темку, что-то прикидывает, всматривается в черты лица.

В груди неприятно екает. Интересно, догадывается ли он? Должен. Ведь Темка — его копия, только волосы темнее, как у меня, а глаза, нос, уши, ямочка на подбородке — его. Какая же я дура! Я была уверена, что он здесь уже не живет, ведь после школы он собирался поступать в музыкальную академию в другом городе.

Но Богдан на удивление не стал задавать лишних вопросов. Мы обменялись еще парой фраз, и я записала Темку на занятия.

— Хорошо позанимайся, сынок. Слушайся учителя. Я заберу тебя через час, — целую сына в макушку и быстро ухожу, стараясь не оглядываться, чувствуя спиной взгляд Богдана.

На улице я останавливаюсь, прислоняюсь к стене. Сердце колотится, как сумасшедшее. Что я наделала? Зачем я пришла именно сюда? Но ведь это единственное место, где есть занятия для детей, и откуда мне было знать, что проводит их именно он?

Я сажусь в машину, завожу мотор, но не еду. Сажу, смотрю на дверь магазина. Через стекло видно, как Богдан что-то говорит Темке, тот кивает, берет гитару. У Темки счастливое лицо. Он любит музыку, этим он пошел в меня... и в своего отца.

Глава 6

Карина оставляет Темку на занятие. Мне нужно прийти в себя, успокоиться. Не ожидал. Совсем не ожидал такого сюрприза. После ее ухода я стою как истукан, с открытым ртом, пока Темка не дергает меня за рукав.

— Дядя Богдан, а мы будем заниматься?

— Да, конечно, — я трясую головой, прогоняя наваждение. — Проходи, раздевайся. Сейчас познакомишься с остальными ребятами.

Темка смотрит на меня снизу вверх. У него темные волосы, как у матери, а вот все остальное... — от меня. Я понимаю это сразу, как только увидел его рядом с Кариной. Сердце екнуло, а потом забилось быстрее. Это мой сын.

— Откуда вы знаете мою маму? — неожиданно спрашивает он.

— Мы... — я собираюсь с мыслями, — учились вместе в одном классе.

Он кивает, удовлетворившись моим ответом, и идет в класс, где уже собрались остальные дети. Новенький тут же становится центром внимания: Алиса уже крутится вокруг него, что-то рассказывает, показывает свои игрушки, тянет за руку.

Ему, должно быть, лет пять. И если я не ошибся, тогда получается, что она забеременела им сразу после нашего выпускного.

Я чувствую, как холодеют руки, немеют пальцы. Неужели? Неужели это мой сын? Наш сын? После того одного раза? Я хорошо помню тот вечер. После выпускного ее родители уехали по делам в город, а мы пошли к ней домой. Там у нас все и случилось впервые...

Я собираюсь с мыслями, меня ждут ученики. Сегодня мы играем на струнных. Я даю Темке маленькую гитару — трехчетвертную, для детей, легкую. Он берет ее уверенно, привычно и с ходу наигрывает несколько аккордов, не глядя. Пальцы сами находят лады. Играет короткий мотив — чисто, без ошибок, даже с чувством.

— Неплохо! — удивляюсь я искренне. — Ты где учился? В музыкальной школе?

— Нет, меня мама научила, — отвечает он, улыбаясь. — Она сама играет. И поет.

— Часто с мамой играете?

— Раньше да. Мама даже играла на концертах, пела, а я сидел за кулисами, пока она выступала. Но в прошлом году она перестала давать концерты, с тех пор мы больше не играли на гитаре.

Интересно, из-за чего она забросила музыку? Я не следил за ее жизнью после того, как она уехала из Березовки, не знал, как она, чем живет.

На душе было тяжело. Если она вернулась в Березовку, значит, карьера у нее не сложилась. Но все-таки хорошо, что она передавала свои умения сыну.

Он сказал, она брала его на концерты. В бары, в клубы. Странно... Наверное, не с кем было оставить, вот и таскала с собой по выступлениям. Бедная... Как же ей было трудно.

Занятие прошло хорошо, на одном дыхании. Темка быстро все схватывал, я даже попросил его спеть что-нибудь и с удивлением обнаружил, что у него прекрасный голос: он поет звонко, чисто, не фальшивит. Другие дети хорошо его приняли, особенно Алиса — они уже вовсю переглядывались и хихикали..

После занятия пришла Карина. Темка побежал к ней обниматься, рассказывать, как все прошло, хвастаться. Она задержалась, пока другие дети расходились по домам с родителями.

— Не думал, что снова тебя увижу, — говорю я, нарушая тишину, которая повисла в пустом магазине. Только тикали часы на стене да гудел холодильник с напитками.

— Я себе обещала не возвращаться сюда никогда, — усмехается она грустно. — Но, видно, от судьбы не уйдешь.

Хочется объяснить ей все, извиниться. Сказать, что я помню то утро в день ее отъезда. Что я искал ее, но не нашел. Но язык не поворачивается, слова застревают в горле. Вместо этого я говорю:

— Темка отлично поет, он способный мальчик.

— Да, у него отличный музыкальный слух. Наверное, в меня, — смеется она, но смех выходит нервным, натянутым.

— Похоже на то, — я смотрю на нее, на ее усталое лицо, на тени под глазами. Она похудела, выглядит изможденной. — Ты надолго? В гости или как?

— Пока не знаю. Мама в больнице, надо ее навещать, присматривать за домом. Так что я здесь точно задержусь на какое-то время.

— Ясно. Знаешь, пока вы здесь, я мог бы заниматься с Темкой индивидуально. У него талант, его обязательно нужно развивать, — говорю ей я.

— Спасибо за предложение, но пусть все-таки ходит на групповые. Может, друзей найдет, адаптируется. Он у меня мальчик общительный, легко заводит новые знакомства, — она с нежностью смотрит на сына. — Мы с ним в этом очень разные. Я всегда была стеснительной, закрытой.

— Ты, помню, тоже быстро освоилась в новой школе. Подружилась с Верой, с остальными.

— Это Вера постаралась, ее заслуга. Сама бы я забилась в угол и молчала весь год, наверное, — она слегка улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.